

ДАВЛЕТШИНА Светлана Мансафовна

**КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ
В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ**

(на материале французского и русского языков)

**Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

Уфа – 2008

Работа выполнена на кафедре французского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Гарипов Равил Касимович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Шафиков Сагит Гайлиевич
кандидат филологических наук
Слободян Елена Александровна

Ведущая организация: Уфимский государственный
авиационный технический университет

Защита состоится « 23 » декабре 2008 года в 14⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 212.013.02 при государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Башкирский государственный университет» по адресу: 450074, ул. Заки Валиди 32, ауд. 423

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского государственного университета.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000439034

Автореферат разослан « 20 » ноября 2008г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Ибрагимова В.Л.

Анализ гетерогенных языковых единиц, объединённых общностью выполняемой ими семантической функции, продолжает вызывать интерес лингвистов. Не угасает интерес и к категории посессивности, которую одни исследователи выделяют как один из типов реляционности, другие – в качестве самостоятельной категории, состоящей, в свою очередь, из субкатегорий: принадлежность / обладание; актуальность / виртуальность; постоянство / временность и пр.

Актуальность исследования определяется важностью места, занимаемого посессивностью в системе языка, своеобразием её функционирования и необходимостью дальнейшего изучения семантической структуры категории и разноразноуровневых средств её выражения.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении посессивности как знака, обладающего как планом выражения, так и планом содержания, в учёте при анализе основных средств выражения посессивных отношений не только синхронического, но и диахронического фактора, важного для характеристики изменения «картины мира», в выделении текстовых функций посессивности, а также характера «преломления» посессивных отношений при переводе с одного языка на другой.

Целью исследования является анализ коррелирующих средств посессивного выражения в сопоставляемых языках (французском и русском) и определение функций посессивных конструкций в тексте.

Поставленная цель обуславливает решение следующих задач:

- 1) уточнить особенности знаковой природы посессивности;
- 2) выделить субкатегории внутри категории посессивности;
- 3) построить модель посессивного пространства;
- 4) определить актанты посессивных отношений;
- 5) выявить коррелирующие посессивные конструкции во французском и русском языках;
- 6) определить тенденции развития средств выражения посессивности при помощи диахронного анализа;
- 7) раскрыть сущность функций, выполняемых посессивными конструкциями в тексте;
- 8) выявить степень преломления посессивных отношений при переводе с французского языка на русский.

Методологической основой исследования послужили работы, посвященные анализу категории посессивности (А.В. Бондарко, А.Л. Ленца, Л.И. Лухт, О.Н. Селиверстова, К.Г. Чинчлей, Ш. Балли); изучению отдельных посессивных конструкций (Е.М. Вольф, Т.А. Иванова, В.П. Липеровский, Е.В. Падучева, Л. Теньер, Э.Бенвенист, Б.Потье); основным положениям семиотики (Р.К. Гарилов, Ю.С. Степанов, Р.Г. Пиотровский); и лингвистике текста (Р.К. Гарилов, Г.В. Колшанский, Т.М. Николаева, Е.В. Падучева, И.П. Севбо, Г.Я. Солганик).

Методы лингвистического исследования, использованные в работе, обусловлены её целью, задачами и характером материала. В процессе осуществле-

ния поставленных задач применялись такие методы, как трансформационный, метод компонентного анализа, семасиологический, контекстуальный анализ, сопоставительный метод, моделирование.

Объектом исследования является категория посессивности, взятая в единстве плана содержания и плана выражения, в синтагматическом и парадигматическом аспектах.

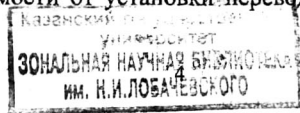
Предметом исследования послужили посессивные единицы в произведениях французских писателей XIX - XX вв. О. де Бальзака, Э.Базена, Э. Дабю, Э. Золя, Г. де Мопассана, А.Моруа, П. Мериме, Р. Роллана и их переводах, выполненных М. Абкиной, Н.Брандис, Е. Гунстом, Н.Жарковой, Т.Ивановой, М.И.Казас, К.Локсом, Е.Любимовой, Ф.Мендельсоном, О.Моисеенко, Н.И.Немчиновой, А.Тетеревиной, Р.Розенталь, Н.Столяровым, С.Тархановой, А.Худадовой.

Теоретическая значимость диссертации определяется кругом поставленных проблем и полученных результатов. Исследование категории посессивности на материале французского и русского языков позволяет переосмыслить проблему категоризации посессивных отношений, теорию знака, теорию и практику перевода.

Практическая ценность работы. Данные, полученные в результате исследования, могут быть использованы при разработке курса лекций по сравнительной типологии французского и русского языков, по теории перевода, а также на занятиях по практике перевода со студентами 3-5 курсов факультетов и институтов иностранных языков.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Категория посессивности имеет семиотическую структуру, характеризующуюся асимметричностью плана содержания и плана выражения.
2. Ядерным средством выражения притяжательных отношений являются предикативные конструкции, на периферии находятся структуры, содержащие скрытый посессивный предикат.
3. В тексте посессивные отношения могут либо устанавливаться, либо находиться в пресуппозиции, т.е. соответствовать реме высказывания в первом случае, и теме – во втором. Для сообщения о наличии посессивных отношений используются предикативные конструкции, а сочетания со скрытым посессивным предикатом встречаются в контекстах в связи с предупомянутостью посессивных отношений. В этом случае в качестве ремы выступает сообщение о местонахождении объекта, либо его качественная или количественная характеристика.
4. Конструкции с латентным предикатом (согласованные и управляемые) являются своего рода «посессивными свертками», в которых наблюдается компрессия информации. Они открывают целую гамму возможностей для интерпретации.
5. При переводе с французского языка на русский семантика посессивной конструкции может варьироваться: сохраняться, преломляться и утрачиваться. В зависимости от установки переводчика статическая посессив-

ность может перерасти в динамическую, либо на основе посессивных могут развиваться отношения локальные или определительные.

Апробация работы. Содержание работы обсуждалось на лингвометодических семинарах кафедры французского языка БГПУ, в ходе ежегодных научно-практических конференций профессорско-преподавательского состава Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акуллы. Основные положения диссертации были представлены на научных конференциях в Саратове (1999г.), в Уфе (2003г., 2004г., 2006г.), в ходе Интернет-конференции в Днепропетровске (2006г.) и нашли отражение в 11 публикациях, в т.ч. в двух публикациях в научном журнале «Вестник Челябинского государственного университета», включённом Высшей аттестационной комиссией в перечень рецензируемых изданий, и монографии «Семиотика посессивных конструкций (на материале французского и русского языков)» (2008г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списков научной и художественной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, излагаются основная цель и задачи исследования, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, обозначается методология исследования.

В **первой главе** «Концепции категории посессивности в лингвистике» характеризуется содержательная сторона посессивных отношений, уточняются особенности знаковой природы посессивности, анализируется проблема категоризации посессивных отношений, определяются актанты и типы посессивных отношений, делается попытка построить модель «посессивного пространства» для различных типов посессоров.

В силу невозможности рассматривать план содержания категории безотносительно к плану её выражения (поскольку форма оказывает влияние на содержание и наоборот) в трактовке семантики категории посессивности отмечаются две тенденции – посессивность рассматривается либо как один из случаев общей категории реляционности, либо как отношения владения / принадлежности в узком смысле. Сторонники узкого понимания посессивности (В.А.Степанян, Дж. Р. Тейлор, М.Хокке) в стремлении установить границы размытой категории и дать точное описание инвентаря средств выражения в поисках универсальных моделей, служащих только для описания посессивных отношений, сужают план содержания категории до отношений собственности. Сторонники широкой трактовки категории (Р.М Бирюкович, А.В. Бондарко, Вяч. Вс.Иванов, Б. Потье, К.Г. Чинчлей и др.), исследуя различные конструкции, объединённые общей семантикой, считают возможным квалифицировать как посессивное любое отношение между элементами внеязыковой действительности.

Тот факт, что посессивность является категорией, доказывается наличием в ней оппозиций. Наличие разных точек зрения на этот вопрос демонстрирует

тяготение к двум полюсам – семантическому и формально-семантическому подходам. Сторонники семантического подхода, исходя из «личной сферы» посессора, определяют для него круг объектов обладания, способных находиться с ним в отношении неотторжимой / отторжимой (Ш.Балли, А.Фрей) принадлежности. Указанная оппозиция в трактовке разных авторов получает такие интерпретации, как юридическая / соматическая принадлежность (Т.А.Тулина), внутренняя / внешняя принадлежность (Ж.Альварес, Б.Потье), включённый / не включённый в сферу обладания (Р.М. Бирюкович). Сторонники формального подхода рассматривают влияние формы конструкций на их семантику. С этой точки зрения выделяются актуальная и виртуальная (Г.Гийом), временная и постоянная (А.Жоли) посессивность. Анализ различных точек зрения свидетельствует скорее о тяготении лингвистов к единодушию в выделении внутри категории посессивности оппозиции отчуждаемость / неотчуждаемость и в выявлении зависимости грамматической формы от степени связанности посессора с объектом обладания.

Следует особо отметить, что неотчуждаемая принадлежность продолжает оставаться в центре внимания исследователей языка по той причине, что она отражает развитие «языкового менталитета» социума: то, что мыслится как неотторжимая собственность посессора, как правило, не сопровождается дополнительными маркерами притяжательности. Определение посессивных отношений как отношений неотчуждаемости, описание «личной сферы» посессора (преимущественно одушевлённого) позволяют вплотную подойти к проблеме «языковой картины мира». Однако отнести те или иные отношения к разряду выражающих неотторжимость, пользуясь лишь экстралингвистическими критериями, нельзя. Поэтому границы неотчуждаемости остаются размытыми, подвижными. Хотя с уверенностью можно утверждать, что в позитивной картине мира как неотчуждаемые мыслятся отношения часть-целое и отношения родства.

Проблема категоризации посессивных отношений продолжает вызывать споры. Анализ различных подходов (А.В.Бондарко, Р.М.Бирюкович, М.А. Журинская, С.Д.Кацнельсон, Дж.Лакофф, К.Писаркова, Б.А.Серебренников, Т.В.Цивьян, К.Г.Чинчлей) к проблеме категоризации посессивных отношений позволяет сделать вывод о невозможности считать категорию посессивности чисто понятийной в силу того, что мыслительные категории, как правило, рассматриваются безотносительно к тому или иному способу выражения. Столь же нерационально было бы относить категорию посессивности к разряду собственно языковых. Вследствие того, что данная категория наглядно демонстрирует онтологическую связь языка с мышлением, следует квалифицировать её как понятийно-языковую.

Посессивность в трактовке лингвистов, изучающих её на материале славянских и балканских языков, представляется концентрической структурой, ядром которой является человек в единстве духовного и телесного. Круг 1 (см. схему 1) включает в себя весь перечень объектов, находящихся в абсолютной неотчуждаемости посессора. Круг 2 представляет все типы объектов, которые могут быть относительно неотчуждаемы от обладателя. Далее находится внеш-

нее пространство, частично присвоенное ядром – окказионально неотчуждаемая принадлежность (круг 3) и собственно отчуждаемость (круг 4), имеющая независимое от посессора существование. Структуру посессивных отношений можно представить в виде следующей модели:

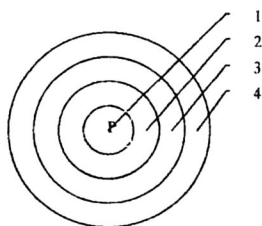

Схема 1. Структура посессивных отношений.

С опорой на данную схему нами была построена собственная модель, иллюстрирующая структуру посессивных отношений (см. схему 2). Посессивность представляет собой отношение между посессором и некоторым объектом обладания. Если обладаемое включается в круг отношений, без которых посессор не может быть идентичен своему образу в языковом сознании, то это – неотторжимая принадлежность. Объекты внешнего пространства периодически включаются посессором в его посессивное пространство, являясь его отчуждаемой принадлежностью. Полуотторжимость (полуотчуждаемость, относительная неотчуждаемость) выступает как промежуточный тип отношений, в которые могут быть включены некоторые типы неотчуждаемых объектов, а также некоторые объекты экстралингвистической действительности.

Схема 2. Модель посессивного пространства

Посессивная конструкция может включать от одного до трёх актантов и содержать указание на связь между ними. В связи с релевантной для французского языка оппозицией лицо / предмет различается два типа посессоров: одушевлённый и неодушевлённый (предметный и абстрактный).

Отношения неотчуждаемой принадлежности присущи не только конкретному владельцу, но и посессору вообще, они для него мыслятся как обязательные или в высшей степени вероятные. Во-первых, неотчуждаемы от посессора его части, причём не все, а лишь наиболее существенные, связанные с ним функционально, а также части пространства, занимаемого предметом (верх – низ, внутреннее пространство – поверхность – ближайшее внешнее пространство): *le dos de Dominique* 'спина Доминика', *le dos du fauteuil* 'спинка кресла' >

son dos 'его спинка'. Во-вторых, неотторжимы от посессора абстрактные сущности, расположенные «внутри» него (*l'âme du garçon* 'душа мальчика', *l'âme du Quartier Latin* 'душа Латинского квартала' > *son âme* 'его душа'), а также константы, характеризующие предмет с точки зрения его физических свойств: размеров, веса, цвета, внешнего вида (*le poids de la Tour Eiffel* 'вес Эйфелевой башни' > *son poids* 'её вес').

Относительно неотчуждаемые отношения осознаются как вероятные для посессора, но не необходимые. Относительно неотчуждаемым для посессора является тот объект обладания, утрата которого не оказывает существенного влияния на его функционирование.

К отчуждаемым объектам обладания следует отнести такие предметные, одушевлённые и абстрактные сущности, которые расцениваются как возможные для данного посессора, но вовсе не обязательные.

Итак, посессивность представляет собой структуру, включающую в себя указание на посессора и объект обладания, состоящие в отношениях неотчуждаемости, отчуждаемости и полуютторжимости.

Категория посессивности имеет семиотическую природу: она обозначает типовую экстралингвистическую ситуацию «обладание / принадлежность», которая получая языковое оформление, обретает форму сложного языкового знака, асимметричного в плане выражения и содержания. Посессивный знак является двусторонней единицей, обладающей планом содержания и набором языковых средств, служащих для его выражения. Посессивное отношение между двумя объектами внеязыковой действительности (связь обладаемого с посессором) выступает в качестве референта посессивного знака. Означаемое знака имеет сложную структуру: в роли денотата выступает нерасчленённый образ посессивной ситуации; десигнат специфицирует связь обладателя с объектом обладания либо как отношения обладания, либо как отношения принадлежности. Кроме того, посессивные отношения могут характеризоваться постоянством / временностью, актуальностью / виртуальностью, отторжимостью / неотторжимостью. Так, десигнат при помощи совокупности признаков выражает сущность референта. Кроме того, выделяется коннотат, находящийся в посессивном знаке в латентном состоянии.

Посессивный знак располагает широким набором маркеров (средств выражения). В зависимости от маркера, его валентности, авто- или синсемантической, посессивные знаки могут быть простыми, - посессивные глаголы *donner* 'дать' *prendre* 'взять', которые мы считаем ядерными элементами плана выражения, отсубстантивные посессивные глаголы *armer* 'вооружать', сложные (*go-lубоглазый*) и простые (*musclé* 'мускулистый') посессивные прилагательные.

В качестве усложнённых посессивных знаков выступают структуры со скрытым предикатом, находящиеся на периферии средств выражения посессивных отношений, – сочетания с притяжательными детерминативами / местоимениями типа *ma villa* 'моя дача'; именные сочетания с предлогом *de* во французском языке и их эквивалент – именные сочетания с посессивным генитивом и притяжательными прилагательными в русском: *la villa d'Olga* 'дача Ольги', 'Ольгина дача'.

Сложные синтаксические знаки представляют собой высказывания, содержащие в своей структуре глаголы *avoir* «иметь» или *être* «быть»: *Olga a une villa* ‘У Ольги есть дача’; *la villa est à Olga* ‘дача принадлежит Ольге’.

В языке широко распространено противопоставление посессивности экзистенциальности и локативности, в основе которого лежит противопоставление глаголов «иметь» и «быть». В философии известно противопоставление бытия обладанию как двух разнонаправленных способов существования человечества. Однако в речи посессивность, бытийность и локативность настолько совмещаются, что их разграничение становится проблематичным.

Во **второй главе** «Синтагматика и парадигматика посессивных отношений» анализируются средства выражения посессивных отношений в языке и речи.

Посессивными предлагается считать **построения**, включающие в себя средства различных языковых уровней (лексического, словообразовательного, грамматического), **главным компонентом семантики которых является идея некой сопричастности двух объектов экстралингвистической действительности, при которой один из объектов включается в сферу бытия другого.**

Существует два семантических типа посессивных конструкций: конструкции, несущие в себе сему «принадлежность», и конструкции со значением «обладание». В сочетаниях первого типа грамматической доминантой является имя объекта обладания, который определяется указанием на посессора (*ma maison* ‘мой дом’, *la maison du père* ‘дом отца’, *la maison paternelle* ‘отчий дом’). Во втором случае посессор определяется указанием на объект обладания, а имя посессора является грамматически управляющим членом конструкции. В подобных конструкциях, кроме посессивного значения обладания, возможно наличие семы квалификативности или квантитативности: *une femme au visage pâle* ‘женщина с бледным лицом’. К этому типу можно отнести конструкции с глаголом *avoir* во французском языке и глаголом *быть* в русском языке: *Ils ont une maison* ‘У них есть дом’.

Посессивность является проявлением некоторой деятельности. Свойством предиката является указание на признак предмета, его состояние и отношение к другим предметам. В связи с этим посессивность представляется структурой с чётко выраженным предикативным ядром. В зависимости от наличия / отсутствия сказуемого выделяются **конструкции с эксплицитным посессивным предикатом и конструкции с латентным предикатом.**

Предикативные конструкции содержат посессивные маркеры, которые могут носить либо аналитический, либо синтетический характер. Как правило, эти показатели настолько полисемантичны (предлог *de*, глагол *avoir*), что могут служить показателями многих отношений. Особую важность приобретает фон или контекст их функционирования, который позволяет отграничить посессивные отношения от других типов отношений. Такие контекстно-зависимые маркеры противопоставляются показателям, обладающим сильной семантикой – глаголам со значением обладания / принадлежности (типа *posséder* ‘обладать’, *appartenir* ‘принадлежать’), каузации / автокаузации обладания (типа *fournir*

‘снабжать’, *armer* ‘вооружать’, *acquérir* ‘приобретать’). Так тип предиката, широта или узость его семантики обуславливают понимание практически любых отношений между предметами как посессивных, и наоборот, узкое толкование посессивности.

Выступая своего рода посессивными «свёртками», конструкции со скрытым предикатом открывают гамму контекстов, которые соотносят один объект экстралингвистической действительности с личной сферой (притягательным пространством) другого объекта, выделяя степень их связанности, включённости одного в сферу бытия другого.

Предикативные конструкции характеризуются либо статичностью, либо динамичностью. Статика посессивных отношений подразумевает состояние обладания / принадлежности, которое носит стабильный, неразвивающийся характер. Действие, в отличие от состояния, требует активных усилий по включению объекта обладания в свою личную сферу. Подобная деятельность представляет динамику посессивных отношений.

Лексико-семантическую группу глаголов, служащих для обозначения статической посессивности, условно можно подразделить на подгруппы согласно семантической доминанте:

1. Посессивно-диспозитивные глаголы, констатирующие посессивное наличие объекта в «личной сфере» субъекта: *avoir, détenir, disposer, porter, posséder, tenir*; быть у + род.п., *владеть, держать, иметь, содержать, обладать* и др.
2. Посессивно-пациентивные, имеющие семантику «поддержание объекта субъектом в определённом состоянии»: *conserver, entretenir, garder, maintenir, sauvegarder*; *беречь, сохранять, хранить, экономить, дрожать над чем-либо, караулить, сторожить, трястись над чем-либо* и пр.
3. Посессивно-бенифициативные, характеризующие использование объекта субъектом в целях извлечения выгоды: *bénéficier, jouir de, profiter de; располагать, распоряжаться, управлять, пользоваться, использовать, пожить* и т.п.

В функции доминантного члена во французском языке выступает глагол *avoir*, взятый в широком значении «установление состояния обладания», которое представляет общий семантический компонент, лежащий в основе этой группы.

Основной глагольной конструкцией, выражающей значение обладания в русском языке, является конструкция, состоящая из глагола «быть», предлога «у» с именем посессора в родительном падеже и имени объекта обладания в именительном падеже (у X есть Y): *у меня есть брат*.

Немаловажно отметить, что в обоих языках чаще встречаются конструкции, содержащие скрытый предикат. Это именные (субстантивные, номинативные) сочетания. Субстантивные посессивные словосочетания русского и французского языков организуются при помощи трёх типов связи: согласования, управления и примыкания.

Согласованные посессивные сочетания состоят из существительного, называющего объект обладания, и согласованного определения, выраженного либо притяжательным прилагательным (*théorie saussurienne* 'сосюровская теория' *sœur* 'сестра', *plaque* 'плакат'), либо притяжательным детерминативом (*ton moulin* 'твоя мельница').

Именные конструкции с посессивами в тексте получают возможность передавать свёрнутую информацию о посессоре и ситуации, в которой он участвует. На этом основании их категориальные потенции более широки и разнообразны в противоположность другим средствам выражения притяжательности.

Посессивы, сочетаясь с именами предметной семантики (предметы, термины родства, определённая среда, имена функциональной семантики и пр.), могут указывать на ряд частных посессивных значений.

I. В первую очередь, выделяются сочетания с посессивами, не содержащие в своей глубинной структуре скрытого предиката и передающие семантически простые посессивные отношения, к которым относятся:

1) межличностные отношения:

- а) родственные отношения: *sa femme* 'его жена', *leur père* 'их отец';
- б) дружеские отношения: *ton camarade* 'твой товарищ', *vos amis* 'ваши друзья';
- в) ассоциативные отношения: *mes voisins* 'мои соседи', *ses collaborateurs* 'его (её) сотрудники';

2) партитивные отношения (часть-целое): (*Pierre*) *sa main* '(Пётр) его рука', (*table*) *son pied* '(стол) его ножка';

3) отношения признак, качество, свойство-его носитель: *votre bonté* 'ваша доброта', *leur modestie* 'их скромность';

II. Следующую группу составляют именные конструкции с посессивами, содержащие скрытый предикат «иметь, владеть, обладать» и реализующие отношения собственности: *mon vélo* 'мой велосипед' > *j'ai un vélo* 'у меня есть велосипед'.

III. Отдельную группу составляют субстантивированные словосочетания с посессивами, содержащие чаще всего скрытый непритяжательный предикат. Подобные конструкции выражают отношения, находящиеся на периферии посессивного поля, такие, как:

- 1) отношения включения в определённую социальную среду: *mon équipe* 'моя команда' > *l'équipe dont je fais partie* досл. 'команда, частью которой я являюсь';
- 2) отношения пространственной и темпоральной посессивности: *ma ville* 'мой город' > *la ville que j'habite* 'город, в котором я живу', *son époque* 'его эпоха' > *l'époque où il vit* 'эпоха, в которую он живёт';
- 3) отношения объект-создатель: *son article* 'его статья' > *l'article qu'il a écrit* 'статья, которую он написал';
- 4) отношения объект-пользователь: *son crayon* 'его карандаш' > *le crayon dont il se sert pour écrire* 'карандаш, которым он пишет';
- 5) отношение опосредованной функциональной общности: *Quant à mon Français* (> *le Français dont je parle*), *il s'agitait et ce fut sur lui que se posèrent*

mes regards [Dabit 1973 ; 221] 'Что касается моего француза (> француза, о котором я рассказываю), он волновался, и поэтому я обратил на него внимание'.

IV. Именные сочетания, входящие в следующую группу, обладают сложной структурой, в которой имплицировано несколько звеньев отношений, например, метонимический перенос с названия части на целое: *votre fenêtre* 'ваше окно' > *la fenêtre de la maison où vous habitez* 'окно дома, в котором вы живёте'; *ses personnages* 'его персонажи' > *les personnages des oeuvres écrites par lui* 'персонажи написанных им произведений'.

Отмечается наличие имён существительных, сочетаемость которых с притяжательными детерминативами невозможна. К таким типам имён относятся: уникальные астролого-метеорологические реалии (*Луна, Марс*); части света (*Запад, Восток*); природные явления (*снег, метель, ветер*); метаязыковые понятия из разных областей знаний (*парабола, граммема, морф*); временные отрезки (*июнь, неделя*).

Однако в художественной литературе и разговорной речи практически любое слово может сочетаться с посессивом, семантическая структура которого в этом случае осложняется дополнительными коннотациями. Коннотативный компонент связан с выражением при помощи посессива эмоциональной оценки говорящего или слушающего или объектов, с ними соотносящихся: *N'est-ce pas la vie de vos Parisiens traduite en quelques phrases ?* [Balzac 1963; 174]. *Вот вам вся жизнь ваших парижан, вся она укладывается в эти несколько фраз, - верно?* [Бальзак 1983; 16].

Именные группы с посессивами представляют собой свёрнутую синтаксическую конструкцию, содержащую скрытый предикат, при этом наблюдается компрессия информации. Скрытый предикат может обозначать различные действия и состояния, актантами которых является субъект-посессор или объект обладания. Латентный предикат может варьироваться в пределах одной и той же посессивной конструкции. Так, словосочетание *ma chaise* 'мой стул' может быть истолковано следующими способами:

- 1) *la chaise qui est à moi (qui m'appartient)* 'стул, который мне принадлежит';
- 2) *la chaise que j'ai achetée* 'стул, который я купил';
- 3) *la chaise que j'ai fabriquée moi-même* 'стул, который я сделал сам';
- 4) *la chaise sur laquelle je suis assis actuellement* 'стул, на котором я сижу в данный момент';
- 5) *la chaise sur laquelle j'ai l'habitude de m'asseoir* 'стул, на котором я обычно сижу';
- 6) *la chaise dont je parle* 'стул, о котором идёт речь';
- 7) *la chaise que j'aime, je préfère à toutes les autres* 'стул, который мне нравится, который я предпочитаю всем другим'.

Многие лингвисты склонны считать посессивной только структуру с латентным предикатом «иметь, владеть, обладать» / «принадлежать», который подтверждается контекстом, содержащим различные элементы, связанные с «ситуацией обладания / принадлежности»: обладать - принадлежать, давать - отнимать и пр. Однако нельзя отрицать, что владелец вещи является её пользо-

вателем, а возможно и создателем. Следовательно, конструкции, в которых реализуются отношения «объект - его создатель» (3) и «объект - его пользователь» (4, 5) также могут квалифицироваться как посессивные, тем более что объект, которым мы пользуемся и который мы сделали сами, несомненно, входит в нашу «личную сферу». Семантика приобретения (2) характеризует динамический аспект посессивных отношений, переход из состояния не-владения в состояние обладания.

Таким образом, значение согласованных именных посессивных конструкций определяется двумя факторами: семантикой правого компонента сочетания и контекстом или ситуацией.

Согласованные номинативные сочетания существительного с относительным прилагательным, как правило, образованным от имён собственных и от некоторых имён родства (*paternel* 'отцовский, родной', *maternel* 'материнский, родной', *fraternel* 'братский, родной', *Décart* – *cartésien* 'картезианский', *Saussure* – *saussurien* 'свойственный, принадлежащий Соссюру', *Corneille* – *cornélien* 'свойственный Корнелю'), могут содержать семантику отнесённости к лицу и отношения притяжательности в зависимости от латентного предиката, содержащегося в этих сочетаниях, которые так же, как сочетания с посессивами, являются именными свёртками предикативных конструкций.

Французские относительные прилагательные образуются при помощи суффиксов *-al* (*-ale*), *-el* (*-elle*), *-iel* (*-ielle*), *-iste*, *-eux* (*-euse*), *-in* (*-ine*), *-ique*, *-ien* (*-ienne*) и др. Относительные прилагательные популярны в современном французском языке прессы: *le gouvernement australien* 'правительство Австралии' (досл. австралийское правительство), *la décision hollandaise* 'решение правительства Нидерландов' (досл. голландское решение).

В современном русском языке притяжательные прилагательные образуются при помощи суффиксов *-ов-*, *-ев-*, *-ин-*, *-и-*, *-ий-* (*-ья*, *-ье*), главным образом, от существительных, обозначающих лица, и употребление их ограничено разговорным стилем языка. В текстах художественной литературы притяжательные прилагательные встречаются при стилизации под просторечие в целях характеристики персонажей и для создания «местного колорита».

Управляемые посессивные конструкции представляют собой сочетание двух неравноправных существительных, связанных подчинительной связью. Во французском языке существуют именные предложные конструкции с предлогами *de*, *à* и *avec*.

Компонентный анализ предлога *de* демонстрирует его способность выражать самые разные типы отношений между компонентами словосочетания. Среди множества значений, передаваемых предлогом *de*, отмечаем сему «принадлежность». Традиционно предлог *de* считается одним из средств выражения посессивности.

Конструкции с предлогом *de* типа **N1 de N2** способны выражать оба типа посессивных отношений – значение принадлежности *O de P* (*le vélo du voisin* 'велосипед соседа') и отношение обладания *P de O* (*le maître du vélo* 'хозяин велосипеда'). При этом следует отметить преобладающее употребление посес-

сивных конструкций, выражающих отношение принадлежности, в силу ограниченного набора имён с семантикой «посессор»: *propriétaire, possesseur, maître, hôte*.

В русском языке существует конструкция, аналогичная французской N1 de N2 по способности выражать самые разные типы отношений между экстралингвистическими объектами. Эта конструкция состоит из двух существительных, одно из которых употребляется в именительном падеже, другое – в родительном. Поскольку сочетание N1 N2^{ген} характеризуется огромной шириной своего употребления, а родительный падеж может выражать самые разные оттенки значений, данное его употребление обозначается как посессивный генитив.

Посессивный генитив может выражать принадлежность в собственном смысле (*дача Ивановых, машина преподавателя*); межличностные отношения (*брат отца, друг сестры*); отношение посессора к группе лиц (*капитан команды*); отношения часть – целое (*спина мальчика, спинка кресла; хобот слона*); отношение посессора к некоторому его признаку – размеру (*площадь комнаты; вес ребёнка*), свойству (*запах цветов; цвет материи*), качеству (*красота города, доброта девушки*); отношение посессора к производимому им действию (*приезд отца; возвращение заключённого*) и на него направленному (*отчисление студента, изгнание бесов*); авторство (*теория Эйнштейна, закон Ньютона*); пространственные (*город Мастеров*) и временные (*эпоха Петра*) отношения.

Сочетания с посессивным генитивом в русском языке могут выражать отношения принадлежности, в этом случае грамматической доминантой сочетания является имя объекта обладания, которое подчиняет себе имя посессора (*сердце человека*). Кроме того, сочетания типа N1 N2^{ген} могут передавать сему обладания: *хозяин дома*. Управляющим словом является имя посессора, зависимым – имя объекта обладания.

Характерной особенностью таких сочетаний является свёрнутая предикативность, которая позволяет отделять посессивные семы от непосессивных. Именные предложные сочетания служат для выражения посессивности, понимаемой как отношение, поскольку нельзя толковать словосочетание *le fauteuil du grand-père* ‘кресло дедушки’ однозначно как *le fauteuil appartenant au grand-père* ‘кресло, принадлежащее дедушке’. Возможны такие семы, как *le fauteuil où le grand-père s'installait habituellement* ‘кресло, в котором обычно сидел дедушка’ или *celui qui me rappelle l'histoire relative à mon grand-père* ‘то, которое напоминает мне историю, связанную с дедушкой’. Так, объект обладания *fauteuil* ‘кресло’ функционирует как показатель неограниченного набора возможных контекстов, а обозначение конкретного посессора *grand-père* ‘дедушка’ позволяет выбрать один из них, единственно возможный в данной ситуации.

Кроме конструкций с предлогом *de* во французском языке существуют сочетания типа N1 à N2, которые могут выражать как отношения принадлежности O à P (*le fils à papa* ‘маменькин сынок’), так и отношения обладания P à O (*l'homme à barbe* ‘человек с бородой’). Несомненно, реализация такого типа конструкций зависит от семантики компонентов посессивных отношений. Так,

модель *P à O* имеет скорее характеризующее значение, если объект обладания находится в отношении неотчуждаемой принадлежности посессору. Следовательно, в этом случае имя объекта обладания чаще сопровождается какими-либо определителями. Трудно вообразить сочетание * *la femme au profil* букв. 'женщина с профилем' или * *la fleur à pétales* букв. 'цветок с лепестками', в то время как конструкции, содержащие квалификатор (*la femme au profil noble* 'женщина с благородным лицом') или квантификатор (*la fleur à huit pétales* 'цветок с восемью лепестками'), широко употребительны.

Другой тип посессивных отношений, выражаемый с помощью маркера *à* – *O à P*, также требует соблюдения некоторых условий употребления. Так, субъект данного отношения чаще всего бывает представлен антропонимом, хотя употребление предлога *à* перед именами лиц является характерным для разговорной речи. Возможно, по этой причине частотность конструкций *O à P* в литературной речи низка и ограничивается, как правило, фразеологическими единицами: *la barque à Caron* (букв. лодка Харона) 'смерть', *le fils à papa* 'маленький сынок'.

Конструкция *N1 à N2* может быть отождествлена с конструкцией, содержащей посессивный маркер *avec* – *N1 avec N2*. Следует отметить, что в сочетании *N1 avec N2* объекты посессивного отношения никак не связаны друг с другом, они лишь соположены. Компонентный анализ предлога *avec* подтверждает, что для конструкции *N1 avec N2* не характерно выражение собственно посессивных отношений, поскольку данный предлог может обозначать лишь совместное физическое присутствие.

Русским аналогом французской именной конструкции с предлогом *à* является словосочетание с предлогом «с» и творительным имени объекта обладания: *старец с бородой, чёрт с рогами и копытами, комната с балконом*. Эта конструкция достаточно продуктивна в посессивном значении, но передаёт отношения, которые обычно называются сопровождающим признаком, совместностью или взаимностью. Этим объясняется то, что данную конструкцию невозможно отнести к разряду собственно посессивных. Среди рассматриваемых словосочетаний часто встречаются трёхсловные конструкции с неопускаемым определением к имени объекта обладания: *человек с добрым сердцем и открытой душой*. Подобные трёхкомпонентные сочетания выражают именно то значение, которое называется качественной характеристикой предмета или лица. Они нередко синонимичны трёхсловным беспредложным сочетаниям с родительным падежом: *поэт с необыкновенным талантом* = *поэт необыкновенного таланта (уст.)*, *человек с прогрессивными взглядами* = *человек прогрессивных взглядов (уст.)*. Следует отметить, что употребление неотчуждаемого объекта обладания в рассматриваемой конструкции возможно, если словосочетание содержит неопускаемый атрибут к имени объекта обладания: * *птица с крыльями*, но *птица с огромными крыльями*. Хотя в языке рекламы и в разговорной речи можно встретить конструкции подобного типа:

1. *Я бы пригласил вон ту клёвую девчонку!*

2. *Беленькая тоже ничего ...*

1: *Ага, и вон ту, с ногами!* ... [из рекламного ролика M&M's; Первый канал]

В данном случае определение формально не выражено, но налицо положительная оценка девушек, присутствующих на дискотеке (*клевая, ничего*), кроме того, говорящий сопровождает реплику паралингвистическими средствами (жесты, мимика), демонстрирующими восхищение, следовательно, квалификатор подразумевается: *девушку с длинными, стройными ногами*.

Биноминальные конструкции, как французские, так и русские, связанные при помощи управления, также характеризуются скрытой предикативностью. Анализ глубинной структуры сочетания типа N1 *de* N2 во французском языке и её русского эквивалента конструкции N1 N2^{ген} позволяет определить следующие способы развертывания сочетания *la photo du grand-père* 'фотография дедушки':

1. *la photo prise par le grand-père* 'фотография, сделанная дедушкой (он - фотограф)';
2. *la photo représentant le grand-père* 'фотография, на которой запечатлён дедушка';
3. *la photo appartenant au grand-père* 'фотография, принадлежащая дедушке'.

Как можно видеть, рассматриваемые сочетания не представляют такой широкой возможности интерпретации, как сочетания с посессивами. В развёртывании биноминальных структур большую роль играет семантика левого компонента сочетания, поскольку именно он определяет широту диапазона возможных контекстов, в то время как правый компонент действует как ограничитель. Посессивный маркер *de* французского языка и аффикс родительного падежа в русском языке соединяют два объекта экстралингвистической действительности отношением некой сопряченности. Следует отметить, что другие посессивные структуры русского языка (с предлогами «о + предложный падеж» и «с + творительный падеж») не предоставляют широких возможностей поиска иного скрытого предиката, кроме посессивного: *старик с бородой* > *старик, имеющий бороду*, *змея о трёх головах* > *змея, имеющий три головы*.

Диахронный анализ согласованных и управляемых конструкций в обоих языках, необходимый для определения тенденций развития средств выражения посессивных отношений, позволяет сделать следующие выводы.

В ходе развития языка французские посессивы, в сравнении с русскими, претерпели значительные изменения: преобразился их внешний облик, произошла дифференциация ударных и безударных форм, определилось место посессивов относительно характеризуемого существительного. Развитие русских посессивов выразилось лишь в изменении их положения относительно существительного. Столь глубокие преобразования в системе французских посессивов имели место в процессе образования аналитического французского языка на основе синтетического латинского.

Процесс исторического развития посессивных именных сочетаний французского языка свидетельствует о конкуренции различных типов биноминальных сочетаний. Латинские синтетические именные конструкции уступили место французским сочетаниям с предлогом *à*, который не смог удержать свои позиции и был вытеснен предлогом *de*. Конструкция N1 *de* N2 эквивалентна рус-

скому сочетанию N1 N2^{ген}. Конструкция с посессивным генитивом, «чуждая русскому языку», становится основным способом выражения посессивных отношений на уровне управляемых структур с латентным предикатом, вытеснив исконно русские сочетания с притяжательными прилагательными.

Рассмотрим категорию посессивности в парадигматическом аспекте. Как было отмечено, посессивность как понятийно-языковая категория немислима без реализации в **тексте**. Более того, она рассматривается как одна из категорий, цементирующих текст. В высказывании посессивные отношения могут либо утверждаться, либо являться пресуппозицией. Иными словами, соответствовать реме высказывания в первом случае и теме – во втором.

(1) *Elle a un appartement rue François 1er et une maison dans le Midi* [Maurois 1975; 43].

У неё прекрасная квартира на улице Франциска I и дом на юге Франции [Моруа 1992; 183].

(2) *J'ai les diamants ! j'ai les diamants ! Les beaux diamants, quels diamants ! et pas cher*. [Balzac 1963 ; 195]

А бриллианты у меня! А бриллианты-то мои! Великолепные бриллианты! Дивные бриллианты! И как дёшево достались! [Бальзак 1983; 40]

(3) *J'ai un nom, j'ai le succès, j'ai l'argent et ce qu'il peut donner* [Rolland 1964; 299].

Я завоевал себе имя, успех, у меня есть деньги и то, что они могут дать [Роллан 1982; 414].

(4) *Ils possèdent, auprès de l'Observatoire, une maison dans un petit jardin* [Maupassant 1974; 268].

Они живут в доме с небольшим садом около Обсерватории [Мопассан 1987; 183].

Переводы приведённых примеров на русский язык демонстрируют аналогию с французским в констатации наличия посессивных отношений в примерах (1), (2). В переводе (3) статическое обладание *j'ai* трансформируется в динамическое «я завоевал». В переводе (4) отношения обладания, усиленные глаголом *posséder*, переходят в локативные.

Высказывания вышеуказанного типа могут носить в тексте интродуктивный характер, однако в речи преобладают высказывания, в которых посессивные отношения находятся в пресуппозиции, то есть считаются само собой разумеющимися или просто известными слушателю. Целью подобных высказываний является информация о каких-либо свойствах объекта обладания – его качественная либо количественная характеристика. Подобные высказывания рассматриваются нами как характеризующе-посессивные:

(5) *Ma femme a un caractère difficile, j'en conviens* [Bazin 1979; 62].

У моей жены тяжёлый характер, я с этим согласен [Базен 1988; 80].

(6) *Mais la forte Mme Loiseau, qui avait une âme de gendarme, resta revêche, parlant peu et mangeant beaucoup* [Maupassant 1974; 37].

Но энергичная г-жа Луазо, с душою жандарма, оставалась непрístupной; она говорила мало, зато много ела [Мопассан 1987; 13].

(7) *Elle avait des yeux bleus.. des yeux bleus... transparents ... clairs... comme je n'en ai jamais vu de pareils... jamais !* [Maupassant 1974; 279]

А глаза у неё были... глаза у неё были голубые... прозрачные... ясные... Таких глаз я никогда больше не видел... Никогда!.. [Мопассан 1987; 193].

(8) *Guillaume avait deux filles* [Balzac 1963; 50]. | *У Гильома было две дочери* [Бальзак 1982; 62].

Примеры (5), (7), (8) демонстрируют соответствие французской конструкции с глаголом *avoir* русской конструкции «у X (есть) Y». При переводе примера (6), который содержит глагол *avoir* в придаточном относительном предложении, переводчик прибегает к биномиальной структуре «с + творительный падеж».

Высказывания, содержащие в качестве объекта обладания имена лиц и распространённые обстоятельством места, имеют скорее локативное значение и не относятся к разряду посессивных, о чём могут свидетельствовать их русскоязычные эквиваленты:

(9) *Il a son fils aîné près de lui* [Balzac 1963; 203]. | *Около него старший сын* [Бальзак 1983; 48].

В качестве одной из текстовых категорий притяжательных отношений выделяется акцентуация посессивных отношений. Данные примеры демонстрируют, что анализируемые языки располагают различным арсеналом средств для выражения подчёркнутой посессивности. В русском языке используется либо эмфатическое выделение, либо инверсия (10) и лексические дополнения типа «собственный», «личный» (11):

(10) *J'ai les diamants ! j'ai les diamants ! Les beaux diamants, quels diamants ! et pas cher .* [Balzac 1963; 195] | *А бриллианты у меня! А бриллианты-то мои! Великолепные бриллианты! Дивные бриллианты! И как дешево достались!* [Бальзак 1983; 40]

(11) *Elle possède trente mille livres de rente qui m'appartiennent, et ne veut me donner deux liards.* [Balzac 1963; 117]. | *У неё тридцать тысяч ливров годовой ренты, моей собственной ренты, а она не хочет дать мне ни гроша.* [Бальзак 1982; 254]

Существуют определённые закономерности введения информации в текст. Известно, что в тексте появляется неопределённая именная фраза, сопровождающаяся показателем неопределённости (неопределённый артикль). Далее эта фраза может служить текстовым референтом и обозначаться определённой именной фразой (определённый артикль, посессивы, демонстративы).

(12) *Enfin, à trois heures, comme on se trouvait au milieu d'une plaine interminable, sans un seul village en vue, Boule de suif, se baissant vivement, retira de sous la banquette un large panier couvert d'une serviette blanche. Elle en sortit d'abord une assiette de faïence, une fine timbale en argent, puis une vaste terrine dans laquelle deux poulets entiers, tout découpés, avaient confit sous leur gelée, et l'on apercevait encore dans le panier d'autres bonnes choses enveloppées, des pâtés, des fruits, des* | *Наконец часа в три, когда они ехали по бесконечной равнине без единой деревушки, Пышка проворно нагнулась и вытащила из-под скамьи большую корзину, прикрытую белой салфеткой. Сначала она вынула оттуда фаянсовую тарелочку и серебряный стаканчик, потом объёмистую миску, где застыли в желе два разрезанных на куски цыплёнка; в корзине виднелись ещё другие лакомые припасы, завернутые в бумагу: пироги, фрукты, сладости и прочая снедь, заготовленная с*

friandises, les provisions préparées pour un voyage de trois jour, afin de ne point toucher à la cuisine des auberges... Le mépris des dames pour cette fille devenait féroce, comme une envie de la tuer ou de la jeter en bas de la voiture, dans la neige, elle, sa timbale, son panier et ses provisions. [Maupassant 1974 ; 35]

таким расчётом, чтобы питаться три дня, не притрагиваясь к трактирной еде... Презрение дам к проститутке сменилось яростью, они готовы были убить её, вышвырнуть вон из дилижанса прямо в снег вместе с её стаканчиком, корзинкой и провизией. [Мопассан 1987; 11]

В вышеприведённом отрывке Ги де Мопассан чётко следует структуре «исходное имя с неопределённым показателем → производное имя с определённым показателем», а переводчик Е.Гунст сохраняет специфическое для подлинника соотношения содержания и формы.

Анафоричность в тексте связана с предупомянутостью объекта обладания, его известностью. Анафорическую функцию в тексте выполняет конструкция со скрытым предикатом типа “посессив + имя”.

(13) *Le vieux soldat était sec et maigre. Son front, volontairement caché sous les cheveux de sa perruque lisse, lui donnait quelque chose de mystérieux. Ses yeux paraissaient couverts d'une taie transparente : vous eussiez dit de la nacre sale dont les reflets bleuâtres chatoyaient à la lueur des bougies* [Balzac 1963; 110].

Старый солдат был на редкость сух и тощ. Гладкий парик, намеренно надвинутый на лоб, придавал ему какой-то таинственный вид. Глаза его как бы были подёрнуты прозрачной плёнкой: напрашивалось сравнение с помутневшим перламутром, переливающимся в свете канделябров синеватыми отблесками [Бальзак 1982; 247].

Ввиду универсальности посессивов их семантическая структура может осложняться целой серией дополнительных значений, выявляемых из контекста. Под влиянием прагматических факторов в тексте посессив приобретает разнообразные коннотации, не уходя от основной своей семантики - семантики притяжательности. Так, посессив может модифицировать эту семантику, представляя её как нечто привычное и постоянное.

(14) *Le lendemain matin, au moment où je mangeais mon écuelle de pain émietté dans mon lait, Bourgeat entre...* [Balzac 1963; 231].

На следующее утро, когда я закусывал размоченным в молоке хлебцем, в комнату мою вошёл Буржа [Бальзак 1983; 477].

Семантика постоянности и привычности может переходить в семантику любви, привязанности к тому, что вводится через посессив:

(15) *Nous regardions notre Marcas, comme des amateurs qui ont épuisé tout leur crédit et toutes leurs ressources pour équiper un bâtiment, doivent le regarder mettant à la voile.* [Balzac 1963; 399]

Как судовладельцы, исчерпавшие весь свой кредит и все свои деньги на то, чтобы снарядить корабль, радостно смотрят, когда он поднимает паруса, так смотрели мы на нашего Маркаса. [Бальзак 1986; 322]

Семантика привычного, любимого по отношению к первому лицу приобретает дополнительное значение “хороший, положительный, со знаком плюс”.
 (16) *Ce n'est pas mon Ferdinand qui peint ces machines-là* [Zola1971; 262]. | *Не узнаю я большие моего Фердинанда... Это не он фабрикует такие изделия* [Золя 1966; 488].

В противоположность первому лицу посессив второго лица чаще имеет оттенок отрицательной семантики

(17) *Qu'elle vienne me voir si elle a quelque chose à me dire, ta marquise.* [Balzac 1963 ;258] | *Если у твоей маркизы есть до меня надобность, пускай придет сюда.* [Бальзак 1983;501]

Итак, текстовые функции посессивных конструкций распределяются в зависимости от того, устанавливаются притяжательные отношения или являются пресуппозицией. Выделяются следующие функции посессивных конструкций в тексте: интродукция, акцентуация посессивных отношений и анафора. Характер контекста и тип речевой ситуации определяют прагматические коннотации посессивных конструкций.

Сопоставление параллельных текстов (оригинал – перевод) показывает, что посессивность может сохраняться (18), «преломляться» (19) и утрачиваться (20) в зависимости от установки переводчика, семантики текста и норм переводящего языка:

(18) *Fortunato se senti seul possesseur de la montre.* [Mérimée 1976; 41] | *Фортунаато почувствовал себя единственным обладателем часов.*

[Мериме 1983; 12]

(19) *La fenêtre pratiquée dans le trapèze avait de méchants rideaux roux.* [Balzac 1963; 382] | *На прорезанном в трапеции окне висели дрянные рыжие занавески.* [Бальзак 1986; 304]

(20) *Ils avaient un beau caniche, d'une sagesse surprenante, toujours couché dans un coin du salon, mais qu'il fallait promener trois fois par jour.* [Maurois 1975 ; 128] | *Красивый пудель, на редкость смысленный, всегда лежал в углу гостиной, но трижды в день его надо было выводить гулять.* [Моруа 1992;263]

В заключении подводятся общие итоги работы.

1. Определение посессивности как категории подтверждается наличием таких оппозиций, как внутренний / внешний характер обладания, реальная / виртуальная принадлежность, отторжимая / неотторжимая, временная / постоянная, абсолютная / относительная принадлежность, обеспечивающихся гетерогенными средствами выражения;
2. Посессивность представляет собой структуру, включающую в себя указание на посессора и объект обладания, состоящие в отношениях неотчуждаемости, отчуждаемости и полуотторжимости.
3. Посессивный знак является двусторонней единицей, обладающей планом содержания и набором языковых средств, служащих для его выражения. Означаемое знака имеет достаточно сложную структуру: в роли денотата выступает нерасчленённый образ посессивной ситуации; десигнат специ-

фицирует тип связи обладателя с объектом; коннотат пребывает в латентном состоянии.

4. Посессивными предлагается считать конструкции, включающие в себя средства различных языковых уровней (лексического, словообразовательного, грамматического), главным компонентом семантики которых является идея некой сопричастности двух объектов экстралингвистической действительности, при которой один из них включается в сферу бытия другого.
5. Посессивность представляется структурой с чётко выраженным предикативным ядром. В зависимости от наличия / отсутствия сказуемого выделяются посессивные конструкции с латентным предикатом и сочетания с эксплицитным предикатом. Тип предиката, широта или узость его семантики обуславливают понимание практически любых отношений между предметами как посессивных и узкое толкование посессивности как отношений владения / собственности.
6. В зависимости от семантической доминанты посессивные глаголы французского и русского языков подразделяются на посессивно-диспозитивные, посессивно-пациентивные и посессивно-бенефициативные.
7. В зависимости от типа связи между компонентами, выделяется три типа конструкций, содержащих латентный посессивный предикат: согласованные, управляемые и соположенные.
8. Именные группы с посессивами представляют собой согласованные свёрнутые синтаксические конструкции, содержащие скрытый предикат, в которых наблюдается компрессия информации. Посессивы обладают широким диапазоном сочетаемости с именами и их эквивалентами, они способны соотноситься с практически любым наименованием посессора. На этом основании их категориальные потенции более широки и разнообразны в противоположность другим средствам выражения притяжательности.
9. Биноминальные конструкции, как французские, так и русские, связанные при помощи управления, также характеризуются скрытой предикативностью, однако они не представляют такой широкой возможности интерпретации, как сочетания с посессивами. В развёртывании подобных структур большую роль играет семантика левого компонента сочетания, поскольку именно он определяет широту диапазона возможных контекстов, в то время как правый компонент действует как ограничитель.
10. Диахронный анализ согласованных и управляемых посессивных конструкций на материале французского и русского языков свидетельствует о глубоких расхождениях, обусловленных тем, что аналитический французский язык развился на базе синтетического латинского, а русский язык сохранил синтетизм.
11. Функции посессивных конструкций в тексте распределяются в зависимости от того, устанавливаются притяжательные отношения или находятся в presupпозиции. Выделяются следующие текстовые функции посессив-

ных конструкций: интродукция, акцентуация посессивных отношений и анафора.

12. Характер контекста и тип речевой ситуации определяют прагматические коннотации посессивных конструкций. В контекстах, где основной предикат уже предсказан, посессив является избыточным. Для этих именных групп характерно несобственно-посессивное значение, осложнённое эмоционально-оценочными смыслами. В дескриптивных контекстах с сопоставлением двух лиц посессивы могут передавать сопоставительно-уподобительные отношения:
13. В зависимости от установки переводчика и норм переводящего языка при переводе с французского языка на русский посессивность может сохраняться, «преломляться» и утрачиваться.

Основные положения исследования отражены в следующих публикациях:

1. Давлетшина С.М. Посессивность, экзистенциальность, локативность // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. - Вып. 28 - № 30. - Челябинск: ЧелГУ, 2008. - С. 46-51.
2. Давлетшина С.М. Семиотика посессивных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. - Вып. 17. - № 22. - Челябинск: ЧелГУ, 2007. - С. 39-43.
3. Давлетшина С.М. Семиотика посессивных конструкций: На материале французского и русского языков // Отд. соц. и гум. наук АН РБ. - Уфа: Гилем, 2008. - 132 с.
4. Васильченко Н.А., Давлетшина С.М. Отсубстантивные глаголы со значением посессивности // Актуальные проблемы романистики: Язык, общество, культура (материалы I Российской конференции по романскому языкознанию). - Саратов, издательство СГУ, 1999. - С. 30-32.
5. Давлетшина С.М. Атрибутивные конструкции как средство выражения статики посессивных отношений // Вопросы обучения иностранным языкам: Методика, лингвистика, психология. - Уфа: издательство УГАТУ, 2003. - С. 89-92.
6. Давлетшина С.М. Проявление референтности компонентов крылатых выражений с семантикой посессивности // Языки Евразии: Этнокультурологический контекст (материалы Всероссийской научно-теоретической конференции). - Уфа: ВЭГУ, 2003. - С. 65-66.
7. Давлетшина С.М. К проблеме выражения отрицательной принадлежности // Вопросы обучения иностранным языкам: Методика, лингвистика, психология. - Уфа: УГАТУ, 2004. - С. 115-117.
8. Давлетшина С.М. Некоторые средства выражения динамического аспекта посессивных отношений // Коммуникативно-функциональное описание языка. Сборник научных статей. Ч.2. - Уфа: РИО БашГУ, 2005. - С. 42-45.
9. Давлетшина С.М. О функциях посессивных конструкций в тексте // Лингвистика, методика и литературоведение в учебном процессе: Материалы региональной научно-методической конференции. - Уфа: БГПУ, 2006. - С. 43-47.

10. Давлетшина С.М. Интродуктивная функция посессивных конструкций в тексте // Вопросы обучения иностранным языкам: Методика, лингвистика, психология. – Уфа: УГАТУ, 2006. – С. 91-93.
11. Давлетшина С.М. Бинарная природа посессивных конструкций // Матеріали III Міжнародної науково-практичної конференції «Актуальні проблеми сучасних наук: теорія та практика – 2006». Том 19. – Філологічні науки. – Дніпропетровськ: Наука і освіта, 2006. – С. 38-40.

ДАВЛЕТШИНА Светлана Мансафовна

КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ
В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

(на материале французского и русского языков)

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 14.11.2008. Формат 60х84 1/16.
Бумага офсетная. Печать плоская. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 1,5. Усл. кр.-отт. 1,5. Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 100 экз. Заказ № 537.

ГОУ ВПО Уфимский государственный авиационный технический университет
Центр оперативной полиграфии
450000, Уфа-центр, ул. К. Маркса, 12

10—